

Шел пятый год с тех пор, как Южная Цзинь основала свою столицу. Осенние ветры в тот раз застудили землю слишком рано, и колючая изморось уныло сеялась над окраинами города Синьань.

По тракту неслась карета, внутри которой укрывалась женщина, прижимавшая к груди младенца.

Лакированные черные стенки экипажа поблескивали в темноте. Золоченый иероглиф «Синь», выведенный на деревянной обшивке, лишь подчеркивал смертельную бледность ее лица.

Она обернулась назад: вдали, на пройденном пути, дрожали и плясали факелы, окрашивая ночной небосвод в багровые тона.

— Стой, — твердо приказала она.

Тётушка Хуа, правившая лошадьми, на мгновение замешкалась, но все же натянула поводья:

— Я отвлеку их, а вы забирайте маленького наследника...

— Если они не найдут меня, то не успокоятся. Начнут искать в городе и погубят безвинных людей.

Герцогиня откинула капюшон с головы спящего ребенка, нежно поцеловала его в теплую щеку и решительно переложила на руки тётушке Хуа. Сняв с пальца кольцо из белого нефрита, она спрятала его за воротник малыша.

— Нападение убийц-цзе слишком подозрительно. Уноси его. Пусть вырастет самым обычным человеком. Теперь я молю лишь об одном — чтобы он прожил спокойную жизнь. Моя судьба мне не принадлежит, но он... он должен быть свободен.

Договорив, она отвернулась — боялась, что если посмотрит на сына еще хоть мгновение, то решимость ее иссякнет. Спрыгнув на землю, она зашагала обратно, навстречу приближающимся факелам.

Будучи супругой герцога Синь, она обладала острым умом и сразу поняла: раз погоня настигла их здесь, ее супруг, скорее всего, уже погиб. Но это ее не пугало. Очень скоро она последует за ним.

Видя непреклонность хозяйки, тётушка Хуа не стала тратить драгоценное время. Крепче прижав к себе ребенка, она скользнула в густые придорожные заросли.

Сухая полынь волновалась от ее стремительного бега. Однако уйти далеко старуха не успела:

топот копыт раздался совсем близко. Ей пришлось затаиться, прижавшись к сырой земле.

Ливень припустил сильнее, грохотал гром. Охваченный лихорадкой мальчик в ее руках зашевелился и тихо, сонно пробормотал:

— А где матушка? Где мы?..

Тётушка Хуа поспешно зажала ему рот. Сквозь стебли бурьяна она вгляделась в сторону тракта. Экипаж застыл на месте, окруженный кольцом беснующихся факелов.

— Наследник! — донесся грубый окрик с резким, гортанным акцентом, выдававшим чужака из народа Цзе.

— Твоей матушке сейчас очень больно! Иди-ка сюда, посмотри, что с ней!..

Малыш распахнул глаза, полные ужаса, и попытался оттолкнуть державшую его ладонь.

Тётушка Хуа торопливо прошептала ему на ухо:

— Тс-с, маленький наследник, тише. Мы играем в прятки. Они — «водящие», пытаются выманить тебя обманом. Ни звука.

Она прекрасно понимала, что происходит на самом деле. Страх сковал ее тело: больше всего на свете она боялась услышать предсмертный крик своей госпожи.

Но время шло, и сквозь пелену дождя доносились лишь все более яростные, безумные выкрики:

— Кричи, сука! Ну же!

— Позови своего выродка, и я прикончу тебя быстро!

— Молчишь, тварь?! Слышишь, щенок? Сейчас я отрежу твоей мамаше уши...

...

— Твоя мать лишилась правой руки! А ну выползай, если хочешь застать ее живой!..

...

— Наследник! У нее больше нет ног! Она подышает! А перед смертью мои парни знатно с ней развлекутся! Не хочешь взглянуть?..

Старуха изо всех сил прижимала ладони к ушам ребенка.

Мальчик горел как в огне и снова впал в забытие. Уже не заботясь, слышит он ее или нет, она убаюкивала его судорожным шепотом:

— Слышишь? Матушки там нет... Ее там нет...

Она и сама пыталась в это поверить.

Крики прекратились. Главарь рывкнул:

— Обыскать всё! Щенку от силы года четыре, далеко уйти не мог!

Огни факелов рассыпались цепью, прочесывая заросли под проливным дождем.

Еще немного, и их неизбежно обнаружат.

Решившись, тётушка Хуа сорвалась с места и побежала со всех ног, уповая на то, что гроза и ливень скроют ее движения.

— Вон там! Трава качается! — раздался резкий окрик.

Ее заметили мгновенно.

Неужели это конец?

В панике она оступилась, зацепившись за скрытый в траве корень, и уже падала лицом в грязь, как вдруг воздух перед ней всколыхнулся. Темный силуэт, бесшумно сокрушив заросли, вырос прямо перед ней. Чья-то рука мягко коснулась ее плеча, гася инерцию падения, и одновременно легко перехватила ребенка.

— Не бойся, — раздался тихий, еще совсем юный голос.

Приглядевшись, она поняла, что перед ней и впрямь подросток — в черных одеждах и маске, скрывающей лицо.

От резкого движения кольцо из белого нефрита выскользнуло из-за пазухи спящего

наследника. На его молочно-белом ободке тускло блеснуло багровое пятно — старый кровавый след, ввевшийся в камень. В ночной темноте он казался зловещим знамением.

Подросток невольно коснулся пальцами этой отметины, словно стирая пыль, после чего бережно спрятал украшение обратно под воротник малыша.

В то же мгновение из ночной тьмы за его спиной соткались десятки безмолвных воинов в таком же облачении. Они вихрем пронеслись мимо, устремляясь навстречу преследователям.

У тётушки Хуа забрезжила надежда. Эти спасители не походили ни на императорских солдат, ни на гвардейцев герцога. Неужели... люди клана Ли?!

Семья Ли принадлежала к древней знати еще при прежней династии и ныне пользовалась величайшей милостью при дворе. Однако о главе клана, Старом генерале Ли, в народе судили двояко. В свое время, когда нынешний государь осадил столицу его прежней родины, генерал сдал город без боя. Этот поступок спас от резни сотни тысяч мирных жителей, но на самого Ли навеки легло клеймо предателя, изменившего своему первому повелителю.

Размышлять дольше ей не позволили. Позади закипел бой: зазвенела сталь, яростные крики и хрипы слились в единый гул, который тут же глушил рев разбушевавшейся стихии. А юноша, бережно баюкавший маленького наследника, лишь молча смотрел на эту вспышку насилия. В его темных глазах, отражавших отблески факелов, читались странная мягкость и глубокая, недетская скорбь...

Уже на следующий день в императорские покои доставили срочное донесение: герцог Синь и его супруга пали от рук наемников из народа Цзе, маленький наследник пропал без вести. Сами убийцы по невыясненной причине совершили поголовное самоубийство, оставив свои тела гнить в дикой степи. Личная гвардия герцогского поместья полностью разоружена и переподчинена, беспорядков не зафиксировано.

Так богатейший город Синьянь, превосходивший роскошью даже столицу Еян, перешел под прямое управление императорского дома. Объявив, что это месть за верного вассала, Южная Цзинь начала полномасштабную войну против племен Цзе.

Тогда же в прославленном, но презираемом многими семействе Ли стряслась беда. Старый генерал Ли упал с верного боевого коня, на котором ездил много лет, и тот в испуге переломал ему ногу.

Ирония судьбы: герой сотен сражений на закате дней жестоко оступился на ровном месте. Рана воспалилась, и спустя несколько суток лекари вынесли приговор — чтобы спасти жизнь полководцу, ногу придется отнять.

— Ваше Величество, — тихо позвал глава Дворцового департамента евнухов, склонившись над ложем.

Лежащий на шелковых подушках император казался совсем усохшим; некогда величественное одеяние висело на нем бесформенной грудой складок. Его тяжелое, прерывистое дыхание напоминало свист зимнего ветра в прохудившейся бумаге фонаря.

Всю жизнь проведенный в седле основатель империи растратил остатки сил. С трудом повернув голову, он заметил в руках слуги поднос:

— Что там у тебя?

На нефритовом блюде, устланном лиловым шелком, покоилось аккуратное кольцо матово-белого, чуть желтоватого оттенка.

— Подарок от старого генерала Ли к вашему юбилею, — вполголоса ответил евнух. Он служил государю с юных лет, и в отсутствие свидетелей они могли говорить без лишних церемоний. — Как думаете, господин... эта нелепая травма и потеря ноги — признак дряхлости, или он понял, что вы подозреваете его в самоуправстве в Синьане, и решил усыпить вашу бдительность?

Император промолчал. Он взял кольцо и попытался примерить, но оно не подошло ни на один палец.

— Что это за безделушка?

— Старый генерал просил передать: «У калеки, сломавшего ногу, больше нет былой гордости. Эта кость — никчемная вещь, пусть государь забавляется ею, как пожелает».

Император замер. Приглядевшись к вещице, он с удивлением осознал, из чего она сделана. На губах его появилась злобная усмешка.

— Ли Яо... — протянул правитель. — На сколько он младше нашего наследника, Чжао Шэна?

— На три года, Ваше Величество. Говорят, юноша одинаково искусен и в словесности, и в ратном деле. Настоящее сокровище.

— Возьми Железный талон освобождения от смерти прежней династии, вели переплавить его в браслет и продень сквозь это кольцо. Отошли подарок Ли Яо. Передай ему: это кость боевого скакуна, который прошел со мной сотни сражений. Пока юноша носит этот браслет, я буду помнить о верности клана Ли. Прежние законы о неприкосновенности упразднены, но ради

него я сделаю исключение. Какую бы глупость он ни совершил — если только это не государственная измена, — я прощу его.

Старый евнух опустил взор на белеющую кость.

«Игры владык, — подумал он. — Одной рукой даруют милость, другой — вонзают нож в самое сердце...»

— Но Ваше Величество... не боитесь ли вы, что в семье Ли откроют юноше правду о происхождении этой кости? И тогда вместо благодарности...

Император зашелся сухим кашлем, а затем презрительно усмехнулся:

— Они не посмеют, если дорожат жизнью своего единственного наследника. Эта безделушка — пороховой погреб, который взлетит на воздух лишь тогда, когда мне будет нужно. Мои дни сочтены, а в Поднебесной все еще беспокойно. Я должен успеть завершить все грязные дела: вернуть то, что принадлежит престолу, и обуздать тех, кто затаил обиду... кха-кха...

Той же зимой основатель династии Южная Цзинь скончался.

На престол взошел его преемник, Чжао Шэн. Следующий год ознаменовал начало новой эры, получившей девиз Небесное Знамение.

Годы сменяли друг друга, и вот незаметно наступила осень тринадцатого года эры Небесного Знамения.

Улицы Бамбукового города на юге страны занесло золотым ковром опавших листьев.

У городских ворот ютилась старая чайная с вековой историей. Пережив суровые годы междоусобиц, это заведение чудом уцелело, а теперь, когда в стране наконец воцарился покой, вновь зажило полной жизнью.

Двери чайной открывались на рассвете и запирались лишь глубоко за полночь. Днем здесь выступали сказители, собиравшие толпы зевак, а с наступлением сумерек на подмостки выходили танцовщицы. Нередко увлеченные гости уводили приглянувшихся красавиц с собой до самого утра.

Смеркалось.

Старый рассказчик как раз подобрался к развязке:

— Окруженный со всех сторон юный Ли Яо истекал кровью. Простой крестьянин, понимая, что перед ним непростой воевода, взмолился: «Оставь надежду, побереги себя, господин!..» Но молодой генерал лишь горько усмехнулся. «Отец, — молвил он, — коли я сегодня сдамся, завтра от нашей земли не останется и следа». Опершись на верную саблю Раскалыватель Душ, преодолевая боль от десятка глубоких ран, он заставил себя подняться. Какая невероятная стойкость для столь юных лет! — Старик с размаху ударил деревянной колотушкой по столу. — А вот о том, как Ли Яньчу с сотней верных смертников сокрушил тысячный конный отряд из народа Цзе, вы узнаете в следующий раз!

— Великолепно! — выкрикнул кто-то из толпы. Возглас прозвучал чересчур звонко и заставил рассказчика обернуться.

Кричал мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, стоявший у самой лестницы. За плечами у него висел потрепанный узелок, а поношенные одежды покрывал слой дорожной пыли.

Старик благодушно улыбнулся ему:

— Коли любо, малец, приходи завтра послушать продолжение. — С этими словами он принялся собирать свои нехитрые пожитки.

— Да чего там хорошего? Каким бы храбрецом он ни был, а все равно остался предателем, — раздался глумливый голос из угла.

Сказитель с маху швырнул колотушку на стол и яростно воззрился на смутьяна:

— Да если бы пять лет назад он не объединил удельных князей и не выставил войско, наш благодатный юг до сих пор терзали бы набеги племен Цзе! Да нас, потомков великих предков, эти дикари давно стерли бы в порошок! Пощупай свой хребет, дурак! Ты сегодня ходишь с гордо поднятой головой только благодаря ему!

— Клан Ли предал прежнего господина и вымостил себе дорогу к трону трупами соратников! — не унимался спорщик. — А нынешняя затея двора усмирять одних варваров руками других — это все равно что пригреть волка под видом цепного пса. При дворе заправляет родня императрицы, князья плетут заговоры, старые военачальники одряхлели, а чинуши только и знают, что слать лживые донесения. Племена хуха лишь делают вид, что покорились, а сами ждут удобного момента для удара! Каким бы великим ни был Ли Яо, он уже протянул ноги. Или ты думаешь, он восстанет из могилы, чтобы спасти нас всех, когда начнется резня?..

— Что ты сказал?! — воскликнул давешний паренек, бесцеремонно перебивая смутьяна. Лицо его побледнело, а в голосе послышалась паника. — Ли Яо... Ли Яо мертв?!

Мужчина снисходительно усмехнулся:

— Да он уже почитай год как в могиле. Ты из какой глуши вылез, малец, коли таких простых вещей не ведаешь?

Мальчик пропустил его насмешку мимо ушей и с надеждой посмотрел на рассказчика:

— Дедушка, умоляю, скажите правду... Ли Яо действительно умер?

Поскольку близилось время вечернего представления и слуги уже вовсю готовили столы, хозяин чайной, испугавшись, что спорщики наговорят на статью об «измене и крамоле», поспешил всех выставить за дверь.

За этой перепалкой безучастно наблюдал сидевший у окна гость.

На вид ему едва ли можно было дать больше двадцати. Тонкие, изящные брови разлетались к вискам, а разрез темных, искрящихся глаз напоминал одновременно лисий прищур и нежные лепестки. Однако в их глубине то и дело проскальзывала едва уловимая, холодная усталость от этого мира.

Мягкий свет зажженных на улице фонарей ложился на его бледное лицо, придавая коже обманчивый, нежно-розовый румянец.

Теплые отблески играли и на его длинных волосах, белых, точно свежавыпавший снег...

Сидевший рядом спутник вылил остывший чай из пиалы седовласого юноши и налил свежего, горячего отвара:

— Шишу, давайте допьем и пойдем отсюда...

Молодой человек лениво перевел взгляд на племянника-наставника и забавно почесал кончик носа:

— Даже не думай, что у тебя выйдет напроситься ко мне на ужин. — Он лукаво улыбнулся и с удовольствием отхлебнул чаю. — Мы ведь еще вчера договорились с девицей Иншу, что сегодня я приду послушать ее новые напевы. Разве могу я нарушить обещание и уйти раньше?

Тот в ответ лишь пренебрежительно фыркнул, ничуть не заботясь о разнице в старшинстве:

— И зачем вам сдалась эта певичка? Коли так хочется женского общества, лучше бы привели в дом законную супругу, чтобы я наконец мог звать ее... ши... ши... Тьфу, да как там правильно

по этикету?

Запутавшись в хитросплетениях родственных связей и званий, он поймал на себе красноречивый взгляд дядюшки, так и говоривший: «Ну и дубина». Поняв без слов, юноша посерьезнел и понизил голос:

— А ведь тот горлопан правду молвил... Если этот день действительно настанет, вы вернетесь?

Седовласый юноша вместо ответа прищурился:

— Тебе не кажется это странным?

Его спутник опешил.

— Он даже не признал в тебе главу местного гарнизона, — с легкой улыбкой пояснил дядюшка, потирая ободок чарки. — Очевидно, что этот человек только-только переступил порог Бамбукового города. Еще толком не осмотрелся, а уже бросился в чайную разводить смуту. Не глупо ли?

Его племянник по ордену носил фамилию Хуа и имя Синьфэн. И был он ни много ни мало командующим всеми военными силами Бамбукового города.

Хуа Синьфэн нахмурился, мысленно восстанавливая облик давешнего спорщика. Тот держался настороженно, постоянно озираясь, а его широкие плечи и развитая спина выдавали в нем опытного лучника. К тому же его речи... Сначала о раздорах в столице, затем о коварных замыслах народа Хуха...

Секретарь Хуа резко переменился в лице:

— Это шпион кочевников! Пытается смутить умы простолюдинов! Я иду за ним!

Синьфэн славился крутым и порывистым нравом — если уж что в голову взбредет, не остановишь. Он уже вскочил со стула, готовый ринуться вниз, но изящная бледная ладонь шишу мягко легла на его плечо, удерживая на месте:

— Погоди.

Секретарь Хуа не успел высказать недоумение, как снизу раздался звонкий возглас:

— Ой-ёй!

За ним последовал грохот бьющейся посуды и шум падения.

Обернувшись, они увидели давешнего мальчишку-слушателя. Тот, утерев всякую бдительность, налетел прямо на одну из подавальщиц.

Кувшин с вином, который несла девушка, выскользнул из ее рук и со звоном разлетелся на мелкие осколки. По залу мгновенно заструился густой, дурманящий аромат дорогого хмеля.

Мальчик, все еще пребывавший в оцепенении от известия о гибели генерала Ли Яо, только сейчас пришел в себя. Осознав масштаб бедствия, он поспешно отступил назад и низко поклонился разгневанной девице:

— Простите великодушно, почтенная сестра! Я случайно забрызгал ваши одежды. Я... я обязательно все возмещу!

Красавица насмешливо окинула его взглядом с ног до головы. Она заговорила медленным, певучим голосом, в котором сквозила снисходительная издевка:

— Ах, малец... Это платье из тончайшего шелка прислал мне в дар сам наместник, а разбитое вино выдерживали целое столетие. Пять ланов золота — вот цена твоей оплошности. Сможешь ли ты расплатиться?

Юноша растерялся и снова смиренно поклонился:

— Пять ланов золота... Признаться, у меня нет таких денег.

Когда он наклонился, из-под его простого воротника выскользнуло и закачалось на шнурке кольцо из драгоценного белого нефрита, чистого, словно горный снег.

Девушка хищно прищурилась:

— Ого? А это что за любопытная вещица? Ну-ка, дай взглянуть!

Не дожидаясь согласия, она ловко протянула руку, намереваясь сорвать украшение прямо с его шеи.

<http://bllate.org/book/18368/1760208>